

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ ЧУМА

В оформлении использован
рисунок Андрея Красулина

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Людмила Евгеньевна Улицкая Чума, или ООИ в городе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55304735

1978–2020. ООИ в городе (Чума) / Людмила Улицкая: Авторское; 2020

Аннотация

Неожиданно актуальный сценарий от Людмилы Улицкой!

«Предполагается, что если ружье в первом акте висит на стене, то в последнем оно должно выстрелить. Многие годы я писала разные тексты и... не публиковала.

И вдруг оказалось, ружье-то стреляет. И не холостыми патронами. Сценарий «Чума», сочиненный очень давно, оказался неожиданно актуальным. Лучше бы этого не было! Но это так...»

Людмила Улицкая

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Людмила Улицкая

Чума, или ООИ в городе

1

Через огромную выюжную пустыню, высвечивая фарами дрожащее пятно, подвижный вихрь снега, идет состав из товарных вагонов. Медленно, долго. Минует заваленный сугробами, едва видный под снегом город. Растворяется в снежной мгле.

Длинное одноэтажное здание на отшибе у целого света занесено снегом. В нескольких окнах виден мутный свет. Запорошенная вывеска – названия не разобрать.

На вахте возле железной печки сидит старуха-татарка в повязанной низко на лбу косынке и большом платке поверх. Отрезает острым маленьким ножом маленькие кусочки вяленого мяса, беззубо жует. Взгляд бессмысленно-сосредоточенный.

В боксе сидит Рудольф Иванович Майер. Он в защитном костюме, в маске. Лица не видно. Руки в перчатках. Рассеивает длинной иглой культуру по чашкам Петри. Спиртовка горит, вздрагивая от каждого его движения. А движения плавные, магические.

Длинно и настойчиво звонит телефон на столе перед вах-

тершей. Она не спешит снимать трубку.

– У, шайтан, кричит, орет... – ворчит старуха. Телефон не унимается. Она снимает трубку:

– Лаблатор! Ночь, говорят, ночь! Что кричишь? Нет никого. Не могу писать, нет. Майер есть! Сиди тут. Сиди, говорят!

Старуха идет в глубину коридора, стучит в дальнюю дверь, кричит:

– Майер! Телефон! Москва тебе зовет! Иди!

Она дергает дверь, но дверь заперта. Она снова стучит, кричит:

– Майер! Иди! Начальник сердитый тебе зовет!

Майер в боксе отложил иглу, замер. Стук раздражает его.

– Сейчас! Сейчас! – голос глухо звучит из-под маски. Маска чуть сдвинулась, слетел уплотнитель под подбородком.

Старуха услышала, пошла к телефону, в трубку громко прокричала:

– Сиди жди, говорят тебе...

Майер в предбаннике снимает перчатки, маску, противочумный костюм, подтирает что-то, наконец, бегом к телефону.

– Извините, был в боксе. Да, да, ночные опыты. Всеволод Александрович, я не готов. Да, да, в принципе. Полная уверенность. Но мне нужно еще полтора-два месяца. Да, полтора... Но я не готов к докладу... Ну, если вы так ставите вопрос. Но считаю доклад преждевременным. Снимаю с себя

ответственность. Да, да, до свидания.

Раздраженно кладет трубку. Старуха внимательно смотрит на Майера:

– На мене кричит, на тебе кричит. Шайтан, сердитый начальник. Кушай! – протягивает на ноже кусок вяленого мяса. Майер машет рукой:

– Нет, спасибо, Галя, – автоматически берет кусок и жует.

– Спать иди. Домой! Зачем сидеть?

Утро еще не просветлело, окно темное. Осторожный звонок в дверь. Молодая женщина зажигает маленькую лампочку, бесшумно встает, идет к двери. Ребенок спит.

Рудольф пришел к своей тайной подруге Анне Анатольевне. В заснеженном полушубке, только шапку стащил.

– Что-то случилось? – испуганно замахала ресницами Аня. Рудольф расстегнул полушубок.

– Ничего особенного. Сегодня ночью меня вызвали в Москву. На доклад в коллегия. Работа еще не закончена. Глупость какая-то. Но слушать ничего не хотят. Вынь да положь. Я еду, Аня. Пришел сказать.

– Прямо сейчас?

– Вечером. Я опыт прервал. Сделать кое-что надо.

– А с кем Маша?

– Уже договорился. Савелова с ней неделю побудет.

– Она ничего?

– Всё то же. Спать не ложилась. Сидит в кресле, глаза в

одну точку...

Аня кладет ладонь на щеку Рудольфу, проводит до лба.

– Может, поедешь со мной в Москву? А? Дня на три?

– Как? Прямо сейчас? – удивилась Аня.

А над бортиком кровати показалась кудрявая голова, засияла, увидев Рудольфа, и вот уже девочка влезла к нему на колени.

– А, проснулась наша Крося, проснулась? – он треплет ее по макушке. – С Марьей Афанасьевной договорись, чтоб ночевала с Кросей, и поехали.

– Ну так прямо сразу. Не могу. Сейчас хоть и каникулы, но у меня там дежурство в школе какое-то...

– Отпросись, перенеси, придумай что-нибудь, а?

– Рудя, я постараюсь, мне самой знаешь как хочется...

– Дашь телеграмму мне на гостиницу «Москва», и я тебя встречу, ну?

...В купе – четверо. Рудольф сидит возле двери, накинув на плечи полушубок, рядом с ним – крепкий, со скособо-ченным твердым лицом мужчина, скорее молодой, чем пожилой, у столика, с противоположной стороны – красивая женщина с высоко подобранными косами, накрашенная, нарядная, расставляет на столике еду, и напротив Рудольфа – молодой парень несколько деревенского вида, но бойкий и трепливый.

– Вот так совсем другое дело, – говорит женщина, – я люб-

лю, чтоб всё было красиво. Сейчас никто и на стол накрыть не умеет, а я люблю, чтоб вилочки, ложечки, тарелочки – всё по местам, и чтоб салфеточка была... – любителю нарезанной ровно колбасой и разложенными аккуратно кусками хлеба. Скособоченный с большим интересом смотрит на женщину, Молодой продолжает давно уже начатую тему.

– Так вот я говорю, Людмила Игнатьевна, написал я письмо и жду, ответит или не ответит. Шутка ли – академик! А у нас в сельхозинституте такой народец подобрался – ни поддержки, ничего...

– Да вы кушайте, кушайте вот! – предложила Людмила Игнатьевна, и Скособоченный взял бутерброд. Увлеченный своим рассказом Молодой человек тоже протянул руку.

– Ну, я решил самостоятельно, на свой риск. Я их взял и у себя в сарае стал воспитывать, приучать постепенно к морозу. Уже третье поколение идет. Морозоустойчивые. Сделал я доклад, они меня вроде как на смех подняли. Тогда я и написал. А что? Прямо в Академию. Двух недель не прошло – приглашение приходит. Я, слова ни сказавши, отпуск взял и еду вот. У нас вся семья такая: если кто решит что – уже не отступит...

Зябко поводит плечами Рудольф. Парень обращается к нему.

– Вот вы, извините, кто по специальности?

– Я? Медик.

– Это хорошо, это хорошо. Значит, вы тоже идею биоло-

гическую понять можете. О наследовании благоприятственных качеств под влиянием воспитания... правильного воспитания, хочу сказать...

– А-а... – протянул Рудольф. – Я, видите ли, микробиолог, боюсь, мой объект живет по другим законам.

– Как это по другим? Как это по другим? – закипятился Молодой. – Мы все по одному закону живем, по марксистско-ленинскому!

– Да вы покушайте, покушайте! – забеспокоилась дамочка.

– Это безусловно, это не вызывает сомнений, – серьезно подтвердил Рудольф. – Только микробы об этом не знают.

– В наше время все об этом должны знать! – запальчиво продолжал парень. – В прошлом году у нас среднемесячная за февраль была двадцать девять градусов. А гуси мои прекрасно перенесли. А сарайчик из фанеры, из ничего, можно сказать. Ведь если, скажем, опыты пойдут на крупном рогатом скоте, если воспитать, приучить к морозу всю скотину, и коровников можно не строить. Здесь польза какая для государства возникнет...

Отодвинулась дверь, всунулась проводница.

– Я подсажу к вам старуху, стоит в тамбуре, а? Не возражаете? Она на четыре часа всего, а?

– Да пускай, пускай сидит! – парень отодвинулся, освобождая место, в дверь протиснулась старуха с узлами.

– Можно попросить у вас чаю? – спросил Рудольф Ива-

нович у проводницы.

– Какого чаю? Теперь до утра, выпили уже чай! – отрезала проводница.

Начали укладываться. Рудольф полез наверх, Скособоченный устроился внизу, сняв отороченные собачьим мехом летные сапоги. Старуха, подобрав ноги в растрепанных больших ботинках, притулилась в уголке, в ногах. Молодой пошел в тамбур.

В тамбуре – клетка с двумя гусями. Он наклонился, сунул кусок размоченного хлеба проснувшимся птицам, погладив высунувшуюся шею.

– Молодец, молодец мой, в Академию едем, так вот! – похлопал по плотной белой шее.

Рудольф кутается в поездное легкое одеяло, надевает меховую шапку.

Скособоченный тихо спрашивает у красивой Людмилы Игнатьевны:

– А вы сами с Москвы?

– Да. Урожденная москвичка. На Лесной улице с рождения проживаю.

– Лесная – это где?

– Возле Белорусского вокзала.

– Знаю, знаю Белорусский. А что, может, в гости пригласите, а?

– Ой, и не познакомились толком, а уже – в гости.

– Я бы в гости пришел, и познакомились бы поподробнее... Адресочек дайте...

Старуха внимательно разглядывает стоящие перед ней сапоги Скособоченного. Хорошие сапоги.

И снова – через заснеженную пустыню идет состав. В свете фар – выюжное пятно снега и ветра, сугробы, сугробы...

Проводница со стаканом чая открывает дверь купе:

– Эй, кто чаю-то хотел? Здесь, что ли?

Все еще спят. Рудольф Иванович свешивается с верхней полки, берет чай.

– Спасибо. Большое спасибо.

– Да ладно.

Проводница уходит. Идет к печке, моет стаканы. В тамбуре приоткрыта дверь. Пассажиры просыпаются. Поезд замедляет ход.

– Ой, выйдите, пожалуйста, мне одеться нужно! – требует Людмила Игнатьевна.

Проснувшийся Скособоченный шарит рукой свои сапоги. Их нет. Старухи тоже нет. Зато на полу лежат растоптанные женские туфли со шнурочками.

– Сперла! Ну бабка! Сперла! – радостно заявляет Молодой.

– Как это сперла? – не понимает бывший владелец сапог. –

Как это? Ну, я ей устрою! Дай мне твои ботинки, на станцию выйти! – просит он у Молодого.

– Да мне самому надо выйти! Как же я-то буду?

– Ну надо же, ну надо же! – сдерживает смех Людмила Игнатьевна.

– А вы, извините, не выходите? Я бы ваши ботинки надел, а? Мне на станции непременно выйти надо... – искательно обратился пострадавший к Майеру. Майер поморщился, переспросил.

– В чем дело?

– Да, понимаете, старуха тут сапоги сперла, мне бы выйти на станции, позвонить, чтоб задержали, – горячо сказал Скособоченный.

– Надевайте, – поморщился Рудольф, и сосед вбивается в Майеровы ботинки.

Телеграфное отделение железнодорожной станции. Скособоченный рывком открывает дверь.

– Куда? Сюда нельзя! – кричит служащая.

Скособоченный вынимает документ, сует ей в лицо, она оседает. Он садится на стул.

– Соедини по линии...

И снова поезд – по обжитым среднерусским местам, уже приближаясь к Москве.

Вокзал. Казанский, конечно. Народ вываливает из вагона.

Понуро бредет Майер. Толпа рассасывается. У вагона остается только парень с клеткой, в которой плотно лежат накрепко замороженные гуси. Он сидит перед клеткой на корточках и шепчет:

– Это что же такое? Это что же такое? И не так уж холодно было?

Слезы текут по красному здоровому лицу.

...Утро в семье Журкиных. Голый круглый стол, сковорода на столе. Быт с сильным оттенком военного коммунизма. Ида Абрамовна Журкина, женщина некрасивая, но с горящим взором, отложив газету, объясняет мужу:

– Нет, Алексей, нет, ты этого не видал. А я нагладелась! Какие это были люди! Мужественные! Бесстрашные! Талантливые! Это были друзья моего отца, и последние годы его жизни – н был прикован к постели – они его навещали постоянно, а я всех, всех их знала, любила, восхищалась. Разобраться, конечно, не могла, девочка была, совсем молоденькая, но ведь и отец – тоже не разобрался, а он был ума необыкновенного, честности, мужества, ну, сам всё знаешь. Так вот, они все переродились! Все! Я плакала над их выступлениями, потом уже, на процессах. Уму непостижимо! Но здесь есть какая-то роковая закономерность – интеллигенция не пошла за партией до конца. Они переродились. И эти ужасные корни, которые они успели пустить, их надо выжигать каленым железом. Иначе – революция погибнет!

Алексей Иванович слушает внимательно и шкрябает вилкой по сковородке, соскребая остатки картошки.

– Ты права, конечно, я и не возражаю, – заметил он вяло.

Ида Абрамовна развернула газету, лежащую у нее под локтем, и стала искать в ней нужное место.

– Где-то тут... подожди минутку, – она ворошит газету, но место всё равно не находится. Алексей Иванович взглянул на часы.

– Пора, Ида! Я задержусь, сегодня у меня коллегия, – и он встал из-за стола, но Ида всё ворошит газету, и безуспешно...

...Профессорская квартира Гольдиных. На подносе расставлены приборы для завтрака, яйцо в подставке, джем – всё не то по-старорежимному, не то по-европейски. Домработница Настя, немолодая, аккуратная женщина, несет поднос в столовую. Настя ставит поднос, стучит в дверь, выходящую в столовую. Кричит:

– Илья Михайлович! Завтрак на столе!

Открылась дверь, выходит Илья Михайлович Гольдин, рослый, плотный, немолодой и, пожалуй, мрачноватый человек.

– Спасибо, Настя!

Кричит:

– Соня! Что ты возишься!

Илья Михайлович просматривает газету. Входит жена Со-

ня, седая, красивая, сухая.

– Я, как всегда, первый! Где Лена?

– Лена ушла сегодня пораньше, что-то у нее с лабораторными не ладится.

– Очень плохое образование, насколько могу судить, очень плохое, – твердым голосом сказал он.

– Ты хочешь сказать, что в Вене учили немного лучше? – язвительно спросила жена, и началась их словесная игра, только им одним понятная...

– Да, совсем чуть-чуть. А, может, мне показалось...

– Ах! Илья Михайлович! Вы, кажется, излишне восторгаетесь буржуазной наукой! Когда я училась в Сорбонне, педагогический процесс был поставлен из рук вон плохо! Можете ли представить, что профорги не проверяли посещаемость студентов?!

– Какой кошмар! Сет импосибль!

...Разгороженная перегородкой комната. В постели – супружеская пара Есинских. Лет им под пятьдесят, но Вера Анатольевна держит свой возраст хорошо. Лицо молодое, живое, светлое. Приставила губы к уху мужа:

– Костя, спят?

Константин Александрович прислушался.

– По-моему, спят.

– Нет, там возня какая-то. Тише!

А за перегородкой – совсем юная пара в постели. Моло-

денький муж спрашивает шепотом у жены:

– Как думаешь, они спят?

– А чего им еще делать? – в плечо мужу смеется девочка-жена.

А Вера Анатольевна, прижимая ладонь, шепчет мужу:

– Какая всё-таки дикость, жить вот так, в одной комнате с собственной взрослой дочерью?

– Это точно, – шепчет ей в ответ муж и обнимает за плечи. – Я приеду только послезавтра. Вечером у меня коллегия, а оттуда я сразу на вокзал.

– Домой не заедешь?

– Нет, не успею. Но в Ленинграде у меня дело – оппонентом на защите диссертации выступлю, и в тот же вечер – обратно.

И они затаились, потому что из-за перегородки послышалось нежное хихиканье.

...У окна – капитан первого ранга Павлюк. Лицо твердое, правильное. Военная косточка. Не оборачиваясь, говорит жене:

– Наташа, завтрак с собой...

– Ты что, обедать не придешь?

– Не смогу.

– Опять весь день без обеда? Опять язва откроется, Сережа, – говорит Наталья, заворачивая бутерброды. – Может, успеешь заехать?

– Не успею, – лаконичный ответ.

На улице урчит машина.

– Я пошел.

Хлопнула входная дверь. Хлопнул лифт. Уехал. Жена качает головой.

...У зеркала Тоня Сорина. Приплетает толстую фальшивую косу к своим волосам. За ней мрачно наблюдает муж, Александр Матвеевич Сорин. Смотрит тяжело, с давно накопленным раздражением.

– Всё, Тоня, у тебя фальшивое. И коса тоже.

– Только сейчас заметил, да?

– Нет, давно уже. Я когда на подушке первый раз твою фальшивую косу нашел, чуть не умер от отвращения. Тьфу!

– Ну не умер же, живой вроде!

– Вранье! С самого начала всё вранье, одно вранье! – Александр Матвеевич хмыкнул. – Помнишь, что говорила у Брыновых, когда познакомились, помнишь?

Тоня зажала шпильки во рту, отзывается сквозь губы:

– А чего мне помнить? У тебя память хорошая, ты и помни.

– Я и помню. Как ты врала, что ты врач-невропатолог...

– Хорошая медсестра не хуже, чем врач-невропатолог. А не нравится тебе медсестра, могу и уйти. Хоть сейчас.

– Да куда ты уйдешь? Куда? – презрительно и безнадежно протянул Александр Матвеевич.

– Найду куда. Откуда пришла, туда и уйду, – беспечно отозвалась Тоня. Ей, пожалуй, даже нравится собственное спокойствие. А муж всё больше кипит.

– Знаю, куда уйдешь. На панель уйдешь.

– А не твоя забота! – Тоня удовлетворенно смотрела на себя в зеркало, прическа получилась пышная, богатая.

– Пустая ты баба, Тоня. Ни на что не способная. Ни супа сварить, ни даже куска хлеба в дом купить...

– А ты как придешь в отделение, ты сразу бабу Дусю пошли, она сбегает. Или Алку. Они всё для тебя с удовольствием... – Тоня нагло усмехается.

– Ладно, пошли. Опоздаем. – Александр Матвеевич встает из-за пустого стола, отодвинув чашку.

– А ты иди, я и без тебя дорогу найду, – отрезала Тоня и снова повернулась к зеркалу.

Хлопнув дверью, Александр Матвеевич вышел из дому.

...В гостинице «Москва», возле столика администраторши стоит горничная.

– Я вхожу в номер, Татьяна Александровна, и понять ничегошеньки не могу. Наматрасник на полу, не поверите...

– Как это? – удивляется администраторша.

Возле столика – Майер в заснеженной шапке и полушубке молча ждет, пока его заметят. Но его не замечают, продолжают интересный разговор.

– Да так! Наматрасник на ковре, одеяла, подушка, всё на

полу...

– Да ты что, Вера?

– Да она привыкла, видать, на полу спать...

Горничная прыскает:

– Депутатка, депутатка, а народ-то дикий...

– А ты думала, она ордена навесила и сразу...

– Простите, – вмешался Майер, – посмотрите бронь. Майер моя фамилия.

Администраторша недовольно зашелестела бумажками.

– Есть. Тридцать шестой. Паспорт ваш, – не поднимая головы, сказала администраторша и впилилась в паспорт.

В конце коридора появилась туркменка. Немолодая уже, рослая, в ярко-полосатом платке, повязанном косо и скрепленном на виске, в тяжелых серебряных браслетах, серьгах, кольцах. На шелковом полосатом платье – вперемешку с тусклым серебром и сердоликами – медали, какие-то значки, чуть не ГТО, орден Ленина, куча звенящего яркого металла. Подошла к столику. Остановилась, улыбнулась приветливо. Брови дугами, глаза длинные, узкие, впалые щеки, тяжелые губы – красавица. Да и пожалуй, лет-то ей не много. Майер посмотрел на нее со вниманием. Она улыбнулась застенчиво:

– От вас холод идет, – и натянула плотнее на плечи шаль.

– Тридцать градусов, не меньше, – улыбнулся Майер, разглядывая эту восточную диковинку.

– А я домой еду, в Ашхабад. Там тепло, – отозвалась она. И, повернувши подбородок на высокой шее к администра-

тору, почти повелительно сказала:

– Номер примите.

И ушла. Администраторша и горничная оторопели.

– Ишь, королева. А спит на полу! – только и сказала горничная.

Майер принял паспорт, ключ от номера и, улыбаясь, пошел по коридору.

Номер оказался небольшим, но роскошным. Майер огляделся, скинул полушубок, потер озябшие руки. Набрал номер.

– Лора! Приехал на дня три-четыре. Конечно. Нет, нет, остановился в гостинице «Москва». На доклад приехал. Вечером обязательно приеду. Промерз ужасно. Может, простудился. Нет, всё равно приеду. У меня просьба к тебе. Анечка, возможно, завтра приедет. Ты приютишь ее на пару дней, а? Одна, одна, без дочки. Ну, о чем ты говоришь, Лора? Всё то же, всё то же. Смотрит в одну точку, почти ничего не ест. Не говорит, не ходит. В кресле. На ночь в постель перекладываю. Припадков таких больше нет. Дорогая моя, ты ошибаешься, не пять лет, а уже восемь. Ну ладно, что об этом. До вечера. Вечером поговорим.

Смотрит на себя в зеркало. Проводит рукой по щеке. Зарос... Выходит в коридор, спрашивает у горничной:

– Скажите пожалуйста, есть в гостинице парикмахерская?

– Есть, на первом этаже.

Майер смотрит на часы... торопливо идет к лифту.

В зеркале отражение – руки мастера с опасной бритвой ловко орудуют над щекой Майера. Голос парикмахера:

– Вам повезло. Я сегодня пораньше на работу пришел. А обычно я попозже...

Майер кашляет, хочет заслонить рот, но он завернут в простыню, парикмахер поглаживает его по плечу и отодвигает бритву:

– Вы уж откашляйтесь как следует.

Майер извиняющимся голосом:

– Видимо, в поезде простыл... сквозняк.

– Некоторые удивляются, что у меня опасная бритва, не понимают, что она бреет чище. И вообще – красиво...

Парикмахер вытирает лезвие, оно блестит.

Заседание коллегии Минздрава. Восемь важных персон внимательно слушают доклад. Один в военной форме. Это полковник Павлюк. Майер заканчивает свое выступление.

– Теперь, как вы видите, совершенно очевидно, что выбор нами для работы высоковирулентного штамма был вполне оправдан. И хотя работа, с моей точки зрения, еще не доведена до полного завершения, в сущности, она уже сделана, и скоро в нашем распоряжении будут первые образцы новой вакцины. Она работает против всех известных штаммов чумы.

Есинский задает вопрос:

– Скажите, пожалуйста, Рудольф Иванович, сколько с вашей точки зрения, понадобится времени для того, чтобы передать вакцину нашей промышленности и насколько сложна может оказаться промышленная технология?

Майер потер виски руками, до него с трудом дошел смысл вопроса. Видно, что ему совсем немогуту:

– Чтобы окончательно... нам надо около полутора месяцев, чтобы полностью быть уверенным в препарате. Около трех месяцев понадобится на испытание, потом производство опытной партии, а остальное уже не зависит от меня. Скорее – от финансирования производства, от его организации. Технология... В технологии, вероятно, не будет ничего принципиально нового, кроме повышенных требований к технике безопасности.

Григорьев, председатель коллегии, смотрит на часы.

– Товарищи! Сегодня мы с вами присутствуем при исключительной важности... важности для всего человечества – я бы сказал – событии. Создание вакцины – еще один шаг на пути к полной победе коммунизма во всем мире, еще одно доказательство торжества мудрой сталинской политики. Поздравим Рудольфа Ивановича. Спасибо за вашу работу, за доклад. Прошу вас завтра прийти ко мне на прием к двум часам, надо будет проработать решение.

Члены коллегии зашевелились, расслабились и начали потихоньку расходиться. Есинский подошел к Майеру.

– Рудик! Поздравляю тебя! Блестящая работа.
Но Майер потерял глаза и ничего не ответил.
– Ты что, устал?

К председателю коллегии Григорьеву подходит полковник Павлюк.

– Всеволод Александрович! У нас будет беседа по поводу этой работы. Я думаю, ее надо закрывать и переводить в наше ведомство. Подумайте об этом. И мы вопрос рассмотрим в ближайшее время.

Григорьев понимающе кивает.

Есинский снова подходит к Майеру:

– Да что с тобой, Рудольф?

Майер:

– Видимо, в поезде простудился. Боюсь, пневмония начинается. Коронный номер мой, – с трудом проговорил Майер.

– погоди, я попрошу машину, чтобы тебя отвезли. Ты где остановился?

...К особняку президиума (видимо, это здание президиума Академии медицинских наук на Солянке) подкатывает машина, Есинский сажает Майера на заднее сидение и машет рукой.

– Выздоровлявай, Рудольф! Позвони мне послезавтра, я приеду из Питера и зайду к тебе! Ты молодец, ей-богу!

...В купе Анечка вдвоем с пожилой интеллигентной женщиной. Чайные стаканы на столе. Полумрак и дорожный уют.

— Ну надо же! — удивляется Анечка. Случайная попутчица вроде, а оказывается, такой близкий человек... Такая неожиданность! Мне мама про вас столько рассказывала! Леночка Браславская! Даже про вашу аптеку рассказывала и показывала мне дом, в котором она была.

— На Дворянской... — почти шепчет пожилая дама.

— Ну да, на Гоголя!

— Знаете, Елена Яковлевна, у меня ведь до сих пор хранится мамина шкатулка из карельской березы, с письмами, и там много писем от вас.

— Шкатулку эту я Наде и подарила, на шестнадцатилетие. Двенадцатого мая девятьсот десятого года.

— Да что вы! Помните мамин день рождения! Поразительно!

— Всё помню, детка. Всё, всё помню. И как на каток ходили, и как нас впервые пригласили на бал, и как мы в один день заболели скарлатиной, — а потом в один и тот же день пришли в гимназию и плакали от радости. У нас было исключительное, необыкновенно счастливое детство. Столько было веселья, музыки. Надя была такая музыкальная. Исключительно!

— Она была прекрасным музыкантом, но карьера исполни-

тельская не получилась. Всю жизнь преподавала, и со мной занималась с раннего возраста. Я ведь тоже преподаватель музыки, Елена Яковлевна, – улыбнулась Аня.

– И похожа, очень похожа на маму. Чем больше я на вас смотрю, Аня, тем больше нахожу общих черт.

– Мама говорила, что вы расстались с ней еще до революции, перед войной. Она думала, что вы живете в Болгарии... или во Франции?

– Нет, всё было совсем не так. Перед войной мы с мужем поехали в Персию. Он был дипломатом, на царской службе. Жили потом в Стамбуле. Во время революции вернулись в Россию. Он был как раз из тех немногочисленных дипломатов, которые стали служить новому правительству. А теперь... Не знаю, жив ли муж... Он... словом, без права переписки... Всех, всех потеряла, – спокойно, без эмоций произнесла Елена Яковлевна, – Какая в этом ирония – еще пять лет тому назад Надя была жива, а я и не знала. Давно ее похоронила. А какие родители у нее были! Дед ваш, Аня, был председатель дворянского собрания Саратова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.